

После уроков ребята, чьи семьи жили неподалеку от уездного города, спешно паковали вещи и разъезжались по домам. А вот таким, как Гоудань, кому даже на автобусе нужно было трястись больше двух часов, путь назад был заказан. С самого начала учебы — а пролетело уже полмесяца — он дома ни разу не показывался. Если поджимали припасы, выручал пространственный карман: Гоудань заранее прятал туда зерно, а наружу выносил ровно столько, сколько нужно было для обмена на столовые талоны.

В неделе у них был всего один выходной. Чтобы съездить домой, приходилось пропускать последний субботний урок и сломя голову бежать на автовокзал, ловить последний рейс. Добирались уже впотьмах, ночевали, а в воскресенье с утра пораньше собирали припасы на неделю. На общение с родными оставалось от силы полдня: в обед нужно было садиться на обратный автобус до уезда, чтобы успеть на вечернюю самоподготовку, а в понедельник снова садиться за парту.

Времени не оставалось совсем. За эти несчастные полдня дай бог успеть забрать мешок кукурузной муки да прихватить теплую одежду на случай холодов. О том, чтобы подсобить семье по хозяйству, и речи не шло.

Не зря в деревнях поговаривали, что от долгой учебы один вред. Во-первых, прокормить такого школяра — сущая мука. Во-вторых, парень превращается в нахлебника, который только зря тратит родительские деньги: от полевых работ отлынивает, а рот разевать за кашей не забывает.

В общежитии сразу стало просторно. Из четырнадцати человек в их огромной комнате осталось всего пятеро. Цичжи и Дафу тоже решили не возвращаться на выходные. Зерна, что привезли отцы, пока хватало, да и домашние велели побереечь деньги на дорогу и зря не мотаться. Оба частенько заглядывали к Гоуданю в гости, так что успели сдружиться со всеми его соседями, а двое из них и вовсе учились с ними в одном классе. Цичжи без лишних церемоний предложил занять пустующие кровати уехавших ребят на ночь, и те, на удивление, легко согласились.

Как только хозяева кое-как отбыли, парни притащили свои подушки и устроились на новом месте. Мальчишки — народ непритязательный. Хорошо, если кто-то хоть немного следил за чистотой, но большинство без материнского пригляда за пару недель превратили свои углы в самое настоящее свиное стойло. Из-за этого Ван Сюаню приходилось даже глухой ночью держать окно открытым, чтобы хоть как-то разогнать удушливый запах немых тел.

Собравшись вместе, ребята сразу озаботились пропитанием и отоварили талоны на два дня вперед. По воскресеньям школьная столовая не работала, и те, кто оставался в уезде, рисковали остаться голодными. Приходилось заранее выкупать на воскресенье черствые кукурузные вотоу — паровые пампушки. Весь выходной они жевали эту сухомятку, мечтая о понедельнике, когда повара снова разведут огонь и подадут горячую еду. Если забудешь купить заранее — пищи пропало, просидишь весь день на пустой воде. Гоудань однажды уже наступил на эти грабли по неопытности и больше голодать не желал.

Цичжи так радовался возможности переночевать у Гоуданя, что унять его было невозможно —

все-таки они с детства росли бок о бок. Улегшись на чужие койки, они болтали без умолку за полночь, пока веки не потяжелели, а языки не начали заплетаться. Так и уснули на полуслове.

В воскресенье не нужно было ни бежать на утреннюю зарядку, ни зубрить тексты. Гоудань спозаранку отправился на школьный стадион — пробежать пару кругов да размяться на турниках. В будни ему удавалось выбраться сюда разве что после вечерней самоподготовки или ненадолго на уроках физкультуры, так что выходной оставался единственной возможностью выпустить пар. Стадион выглядел непритязательно: утоптанная глиняная площадка с редкими пучками пожухлой травы, которую ежедневно топтали сотни ног, да вековые деревья, плотной стеной обступившие поле.

Обычно здесь выстраивалась вся школа для утренней гимнастики — зрелище получалось внушительным. Во время физкультуры мальчишки до седьмого пота гоняли облезлый мяч между двумя обшарпанными баскетбольными щитами, получая от игры искреннее удовольствие. Девчонкам же хватало обычной скакалки, чтобы беззаботно пропрыгать половину дня.

Отдуваясь и стряхивая с лица крупные капли пота, Гоудань не спеша брел обратно к общежитию, закинув руки за голову.

В конце сентября вода из-под крана была еще теплой от уходящего летнего зноя, так и подмывало залезть под струю. Но едва он протянул руку к вентилю, как подбежавший Ван Сюань тут же перекрыл воду.

— Гэ, погоди, пускай пот сначала сойдет. Обливаться ледяной водой с утра пораньше вредно, потом голова раскалываться будет.

— Да с чего бы нам хворать? — буркнул Гоудань.

Он не разделял опасений друга, но спорить не стал и послушно пошагал в комнату. В конце концов, их закаленным деревенским организмам никакая простуда была не страшна.

Неподалеку от школы работала общественная баня, помывка в которой стоила всего несколько фэней. Однако стояли теплые дни, и парни предпочитали не тратить лишнего: в конце коридора у душевого стока стояли общие краны. Мальчишки просто набирали ведра и обливались прямо там же. Стесняться было некого — кругом все свои.

Девчончье крыло находилось на другом конце здания. Если парням хватало пары минут, чтобы ополоснуться прямо в коридоре, то девчонкам приходилось таскать ведра к себе в комнаты. Они запирали двери и по очереди мылись у самого порога, а после выметали мыльную воду веником наружу — на солнце влага испарялась мгновенно.

Когда они вернулись, Цичжи и остальные все еще богатырски спали, оглашая комнату дружным сапом. Гоудань заговорщически шепнул Ван Сюаню:

— Вчера громче всех орал, а теперь и пушкой не разбудишь. Давай оставим им ключи и пойдем прогуляемся.

— Оставь лучше Чжан Чжигу, — рассудительно отозвался Ван Сюань.

Хоть Цичжи и был их близким земляком, но в этой комнате он оставался лишь гостем. Правильнее было доверить ключи постоянному жильцу, а честный и исполнительный Чжан Чжигу подходил для этого как нельзя лучше.

Дождавшись, пока тело остынет, Гоудань наконец дорвался до крана. Он набрал полный таз прохладной воды и с наслаждением опрокинул его себе на макушку. Ух, хорошо! Вернувшись в комнату, он наскоро обтерся полотенцем, натянул чистые штаны и рубаху, после чего сразу принялся за стирку. Грязную одежду следовало выстирать и вывесить сушиться пораньше, иначе к понедельнику надеть будет просто нечего.

Ван Сюань тихонько растолкал заспанного Чжан Чжигу и предупредил, что они с Гоуданем уходят в город. Цичжи, едва разлепив заплывшие глаза, пробормотал, что никуда не пойдет и лучше досмотрит сны. Ван Сюань лишь покачал головой — другого он от сони и не ожидал. Передав связку Чжан Чжигу, он увлек Гоуданя к выходу. Было ясно, что эта сонная орава проваляется в постелях минимум до полудня.

— Вчера захлеб строили планы, а сегодня одеяло из зубов не вырвешь. Подъем, сони ленивые!
— Гоудань беззлобно ткнул пяткой поочередно Цичжи и Дафу.

Те лишь недовольно промычали, натянули простыни повыше и повернулись на другой бок.

— Ладно тебе, пойдем уже, — Ван Сюань подхватил сумку и потянул друга к дверям.

Оставшиеся в комнате полусонные ребята облегченно вздохнули. В общежитии снова воцарилась блаженная тишина, и они с чистой совестью отправились досматривать сны.

Оказавшись на улице, парни не спеша пошли по мощеной мостовой, на ходу грызя жесткие пампушки.

— Куда сначала подадимся? — спросил Гоудань, с трудом прожевывая плотное кукурузное тесто.

— Давай просто побродим, а там видно будет.

Когда они только приехали сюда на учебу, уездный город казался им бескрайним лабиринтом. Они всерьез боялись заблудиться в хитросплетении улиц. Но стоило обжиться, как налет загадочности спал. Уезд оказался просто очень большой деревней. Если не соваться в глухие тупики, все крупные дороги рано или поздно пересекались, и парни быстро изучили их вдоль и

поперек. Горожане любили давать звучные имена каждой дорожке: «улица такая-то», «проспект такой-то» — звучало солидно, а на деле обычные переулки, перетекающие один в другой.

— Слыхал, на Западной Революционной вроде как идет тайная торговля, — заговорщически шепнул Гоудань. — Интересно, правда это или брехня? Может, проверим?

— Ну, давай заглянем.

Не успели они свернуть на нужную улицу, как Гоудань вдруг резко замер и ткнул пальцем вперед:

— Погляди-ка, это не наш ли учитель географии?

Гоудань вытянул шею, сясь разглядеть фигуру в толпе.

— Точно он! И что этот старик тут вынюхивает?

Лысеющий учитель географии семенил по улице непривычно быстро. Несмотря на полуденный зной, он наглухо застегнул плотную куртку с длинными рукавами, под которой явно угадывались очертания какого-то объемного свертка.

— Явно на темное дело пошел, — хохотнул Гоудань, предвкушая заварушку.

Ван Сюань легонько ткнул его локтем в бок:

— Да тихо ты, не зубоскаль.

Ван Сюань тоже пригляделся к удаляющемуся силуэту. Учитель торопливо шмыгнул в темный переулок и скрылся из виду.

— Говорят, он живет вдвоем со старухой-женой, да еще внука-сироту тянет, — тихо добавил Ван Сюань.

— Да ты посмотри на него! Любой дурак сразу поймет, что дело нечисто. Кто в здравом уме в такую жару напяливает куртку? Пытается спрятать добро, а сам только лишнее внимание привлекает. Идет, оглядывается, словно воришка. Будь я милиционером, первым делом его бы за шкуру взял.

— Думаешь, милиция всегда права? — покачал головой Ван Сюань.

— Да при чем тут это? Я просто говорю, что маскироваться он вообще не умеет.

— Ну, сейчас ведь уже никого не собирают на народные судилища и не вешают таблички на шею, — возразил Ван Сюань. — Что ему сделают?

— Ишь, размечтался! — фыркнул Гоудань. — Публично шельмовать, может, и не станут, но за незаконную торговлю по головке не погладят. Схватят под белы ручки, упекут за решетку — и ищи потом правду.

— Может, проследим за ним? Вдруг помощь понадобится...

Гоудань уже вовсю шагал в сторону переулка.

— Догоняй. Тут дело посерьезнее: за ним хвост пристроился. Я этого типа на рынке приметил, из «комитетских» он.

Они бесшумно припустили следом. Старый учитель, испуганно вжав голову в плечи и обеими руками прижимая к груди завернутый сверток, торопливо пробирался на восток. Заметив, что подозрительный соглядатай действительно наступает старику на пятки, Гоудань скользнул в тень полуразрушенной арки и, прикрыв рот ладонью, пронзительно выкрикнул измененным голосом:

— Шухер! С севера заходят, уходи дворами!

Люди, промышлявшие нелегальным обменом, всегда держали ухо остро и реагировали на любой шорох.

Этот зычный крик мгновенно взбудоражил сонный переулок. Торговцы и покупатели сорвались со своих мест и брызнули врассыпную. Гоудань даже присвистнул от удивления, заметив, как сухонькая старушка с корзинкой, минуту назад едва ковылявшая по мостовой, резво перемахнула через невысокий забор.

— Кто здесь?! А ну выходи! — взревел разъяренный филер в штатском, чья верная добыча только что выскользнула из рук.

В последнее время рыночным патрулям жилось несладко. Из-за шаткого политического курса им приходилось то ослаблять хватку, закрывая глаза на мелкую спекуляцию ради выживания людей, то вновь закручивать гайки. Но в последние полгода маятник опять качнулся в сторону суровых запретов. Хоть университеты и открыли свои двери, а жесткие политические кампании пошли на спад, спекуляция и незаконная торговля по-прежнему карались по всей строгости закона.

— Эй, вы двое! Стоять! — патрульный преградил дорогу Гоуданю и Ван Сюаню. — Кого здесь

видели? Кто кричал?

— Это вы нам? — Гоудань состроил самую невинную мину.

— Мы ничего не знаем, дятенька, — вежливо вмешался Ван Сюань, выходя вперед и демонстрируя чистые тетради. Он знал, что его кроткий, интеллигентный вид вызывает у взрослых куда больше доверия, чем разбойничья ухмылка Гоуданя. — Мы только что из снабженческо-сбытового кооператива, тетрадки для уроков покупали.

— Школьники, что ль? — дружинник с подозрением оглядел ребят.

Ван Сюань робко кивнул:

— Да, мы как раз обратно в общежитие возвращаемся.

— Ладно, марш отсюда. Нечего без дела по закоулкам шататься.

Патрульный брезгливо махнул рукой, прогоняя их, и устремился вглубь дворов.

Ребята понуро побрели прочь, стараясь не оборачиваться. За считанные мгновения оживленный тупик, где только что шла скрытая от чужих глаз жизнь, опустел и затих.

Лишь отойдя на приличное расстояние, Ван Сюань облегченно выдохнул и негромко произнес:

— Теперь понятно, почему они облюбовали этот закуток. Место глухое, но проходное — из него ведет сразу несколько лазеек в разные концы квартала, в тупик точно не зажмут. Умные люди устраивали. Только вот интересно, как наш учитель географии набрел на эту точку?

— У каждого зверя своя тропа, — философски заметил Гоудань. — Жаль только, теперь здесь долго никто не покажется. А я-то надеялся своими глазами поглядеть на настоящий черный рынок, про который столько баек травят. В очередной раз убеждаюсь: верить Чжан Сяомину — себя не уважать. Болтун он и пустомеля.

С досадой покинув так и не состоявшийся притон спекулянтов, Гоудань некоторое время шел молча, пиная подвернувшийся под ноги камушек. Но вскоре его деятельный ум переключился на другие думы.

— Слушай, Ван Сюань, если с нашего автовокзала можно уехать прямо в столицу провинции, то куда ведут дороги оттуда?

— Кто его знает, — отозвался Ван Сюань. — Наверное, к другим городам. Наш учитель на

уроках ведь показывал карту: страна у нас огромная, очертаниями похожа на золотого петуха.

— Давай после школы поедem учиться в Столицу! — глаза Гоуданя загорелись мальчишеским азартом. — Помнишь брата Чжоу из нашего поселения образованной молодежи? Он ведь вернулся в Столицу именно учиться в университете. Если мы тоже поступим туда, то сможем жить в Столице вдвоем, прямо как сейчас в уезде!

Ван Сюань лишь искоса взглянул на сияющего друга, но ничего не ответил, лишь тихо вздохнул и ускорил шаг. Гоудань опять летал в облаках и строил воздушные замки, а ему, как всегда, приходилось возвращать этого мечтателя на землю.

<http://bllate.org/book/19654/1996737>